

ПУТИ РОССИИ.

Статья третья.*)

II.

Въ XIII вѣкѣ послѣ Р. Хр. великій Сѣверный материкъ становится рамой міровой монгольской имперіи. Только выступы континента — полуострова Индостанъ, Аравійскій и Западно-Европейскій — остались внѣ власти монгольской державы. Міровая римская имперія, покрывавшая, въ свое время, весь „*orbis terrarum*“, кажется небольшимъ государствомъ въ сравненіи съ міровой имперіей монголовъ. На короткій историческій моментъ великій Сѣверный континентъ объединился въ одно политическое цѣлое. Препяды для хозяйственныхъ сношеній пали и культуры смѣшались. — Но это продолжалось только нѣсколько десятилѣтій. Въ монгольской имперіи не было той таинственной связывающей силы, которая кроется во всякой расцвѣтающей культурѣ, и которой обязаны были своими достижениями имперіи Эллинская, Римская, Арабская и современная Британская. Монгольская имперія была сочетаніемъ стихійной силы степного народа и матеріальныхъ достиженій — военныхъ, административныхъ, финансовыхъ — угасающей культуры китайской. Для власти надъ великимъ континентомъ этого не было достаточно. — Уже въ концѣ XIII вѣка имперія начала распадаться. Главныя провинціи имперіи сдѣлались самостоятельными и возникли четыре независимыхъ государства: на востокъ громадное государство, включавшее въ свои границы Китай и прилегающія къ нему страны; въ Средней Азіи государство Джагатай; въ За-

*) См. Современныя Записки. № 7.

падной Азіи государство Ильхановъ; а на сѣверѣ государство Кипчакъ. Но и эти государства существовали недолго. Процессъ распада шель неуклонно. Монгольскія государства вели безконечныя междуусобныя войны; туземныя княжества возставали и объявляли свою независимость; намѣстники хановъ превращали управляемыя ими провинціи въ самостоятельныя государства. Въ концѣ XIV в. великій завоеватель Тимуръ сдѣлалъ попытку возстановить міровую имперію. За свою страшную жизнь онъ успѣлъ разорить Индію, Западную Азію и, на короткое время, соединить воедино государства Ильхановъ, Джагатай и Кипчакъ. Съ его смертью періодъ великихъ монгольскихъ завоеваній кончился. Міровая монгольская имперія разсыпалась на части. Континентъ былъ разгромленъ. Вмѣстѣ съ гибелью культуры — матеріальной и духовной — была сломлена и политическая мощь континента. Въ теченіе многихъ вѣковъ государства Востока оставались политически безпомощными. Всякая внѣшняя сила входила въ тѣло Востока, не встрѣчая никакого сопротивленія. Когда Западно-Европейскій полуостровъ приступилъ къ завоеванію міра, государства востока покорились почти безъ борьбы. И лишь въ концѣ XIX в., на маленькихъ островахъ Тихаго океана — Японскихъ — отвердѣли первыя точки сопротивленія Западу. Политическое возрожденіе Востока еще впереди.

Въ XIII в. великая Сѣверная равнина — во власти монгольскаго государства Кипчакъ. Владѣнія хановъ «Золотой Орды» простирались отъ рѣки Днѣстра и до рѣки Енисея. Изъ всѣхъ частей міровой монгольской имперіи, Кипчакское государство оказалось наиболѣе устойчивымъ. Оно просуществовало два съ половиной вѣка и было окончательно разрушено только въ 1502 году. Но «устойчивость» Кипчакскаго царства очень относительна. Уже въ XIV в. въ государствѣ начались смуты и междуусобныя войны. Въ концѣ XIV в. Кипчакское царство было покорено Тимуромъ и, вмѣстѣ съ подвластною Русью, вошло въ его міровую имперію. Въ XV в. смуты въ государствѣ усилились, и Кипчакское царство стало распадаться на части. Раньше другихъ отдѣлились Ногайская Орда и Сибирскія ханства; въ 1420 г. — царство Крымское; въ 1438 г. — царство Казанское; въ 1466 г. — царство Асраханское. Но и отдѣлившіяся царства просуществовали недолго. Ихъ краткая исторія наполнена смутами и не прекращавшимися усобицами. Въ XVI в. они потеряли всякое политическое значеніе и были легко разрушены одно за другимъ. Лишь Крымское ханство, вошедшее въ составъ Османской имперіи, продержалось до конца XVIII в.

Съ установленіемъ власти Золотой Орды надъ великой Сѣверной равниной, Россія, какъ независимое государство, пере-

стала существовать. На столѣтія она сошла со страницъ міровой исторіи. На историческихъ картахъ она изображается какъ одна изъ провинцій монгольскаго государства. Русскія княжества одно за другимъ подчинялись монголамъ; послѣдними — княжество Галицкое и республика Новгородская. Страна была разорена. Города разгромлены; культура уничтожена. Населеніе было загнано въ рѣчной треугольникъ Оки и Волги. Югъ и юго-востокъ очищены для монгольскихъ кочевій. Русскіе князья вернулись въ свои владѣнія, какъ намѣстники Кипчакскихъ хановъ. Ярлыкѣ на княженіе они получали въ ханской ставкѣ, вмѣстѣ съ ханами ходили въ походы, по порученію хановъ усмиряли непокорныя земли. Въ своихъ княжествахъ они переписывали населеніе и облагали его данью въ пользу монголовъ. По существу, власть русскихъ князей была отраженіемъ власти монгольскихъ хановъ. Въ XIV в. подъ покровительствомъ и при содѣйствіи Золотой Орды возвысились князья Московскіе. Они были вѣрными слугами монгольской власти, часто ѣздили въ ханскую ставку, безжалостно давили своихъ сосѣдей и «собирали» русскую землю. Въ ихъ страшной политикѣ чувствовалась сосредоточенная сила и напряженная, еще не осознавшая себя воля. Вѣрные Ставокѣ, когда она была сильна, они зорко слѣдили за всѣмъ, что въ ней происходило, и, при первыхъ признакахъ слабости, дѣлали попытки возстать и объявить себя независимыми. Въ XV в. Золотая Орда настолько ослабла, а Московское княжество настолько окрѣпло, что подданство московскихъ князей стало почти номинальнымъ. Въ 1480 г., въ царствованіе Ивана III, Россія снова стала независимымъ государствомъ. Въ это же царствованіе и процессъ собиранія русской земли далеко продвинулся впередъ — къ Москвѣ были присоединены Новгородъ, Тверь, Пермь и Вятка. Въ XVI в. русское государство перешло въ наступленіе. Моментъ былъ выбранъ осторожно и увѣренно. Монгольскія царства были такъ ослаблены, что побѣда досталась безъ большой борьбы. Въ 1552 было покорено царство Казанское; въ 1554 — царство Астраханское; въ 1582 г. — царство Сибирское. Передъ русскимъ государствомъ раскрывался весь необъятный и беззащитный Востокъ. Съ тѣмъ поръ Россія неудержимо шла впередъ — въ XVII в. дошла до Тихаго океана, въ XVIII в. до Чернаго моря, въ XIX в. до горъ Гиндукуша. Съ XVII в., укрѣпившись на Востокѣ, Россія обратилась и къ Западу. Въ XVII-XVIII в. были присоединены Малороссія, Бѣлороссія, Литва и Прибалтійскія страны, въ XIX — Польша, Финляндія и Бессарабія. Хронологическая таблица роста Русскаго государства производитъ громадное впечатлѣніе:

Къ началу княженія Ивана III въ 1462 г.	
Московская Русь занимала около	10.674 кв. мили.
Въ годъ его смерти въ 1505 г.	41.136 „ „
Въ годъ смерти Грознаго въ 1584 г.	75.159 „ „
Въ концѣ XVI в. къ концу царствованія Федора	130.132 „ „
Новыя присоединенія Сибири открывали огромныя пространства:	
Въ 1613 г. Московская Русь занимала	155.914 „ „
Въ 1645 г.	225.914 „ „
Присоединеніе Малороссіи въ 1676 г. увеличило территорію до	263.828 „ „
Петровскія приобрѣтенія къ концу его царствованія 1725 г. увеличили до	282.454 „ „
Къ концу царствованія Екатерины II (1796 г.) Имперія занимала	352.472 „ „
Въ концѣ Николаевскаго царствованія	367.200 „ „
Въ настоящее время она занимаетъ	394.462 „ „*)

За четыре съ половиной столѣтія территорія Россіи увеличилась въ 36 разъ. Русское государство занимаетъ около $\frac{1}{6}$ части земной суши, больше половины великаго Сѣвернаго континента (если не считать Западно-Европейскаго полуострова). По своимъ размѣрамъ оно уступаетъ только мировой Британской имперіи. За то оно представляетъ «величайшее на землѣ компактное государство и величайшую область одного народа». «Распространеніе Россіи и русскихъ, занимавшихъ еще въ началѣ XVI в., сравнительно, небольшое пространство, на всю необъятную область восточно-европейской низменности и за ея предѣлы черезъ Сибирь на западную часть Средней Азіи — является однимъ изъ грандіознѣйшихъ событій всемірной исторіи» **).

Обычное представленіе о ходѣ развитія русскаго государства таково. — Русское государство, въ Московскій періодъ, — срединное царство, со всѣхъ сторонъ окруженное врагами. Оно лежитъ на равнинѣ, и границы его открыты для нападенія. На западѣ сильныя противники — Шведы, Литовцы, Поляки; на востокѣ — дикія монгольскія ханства. Россія была поставлена судьбой у «восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ ломившейся въ нихъ кочевой, хищной Азіи ***). Передъ русскимъ государ-

*) Довнаръ-Запольскій. Исторія русск. народнаго хозяйства. т. 1911 г.

**) Hettner. Russland. 1921.

***) Ключевскій, т. I.

ствомъ былъ выборъ: или побѣдить и поглотить всё окружныя государства, или быть побѣжденнымъ и исчезнуть; ибо на великой открытой равнинѣ существованіе нѣсколькихъ государствъ невозможно. Русское государство выдержало напряженіе, окрѣпло, побѣдило своихъ противниковъ и, идя отъ завоеванія къ завоеванію, дошла до своихъ естественныхъ границъ — морей и горъ.

Надо пристально взглядѣться въ историческія карты Россіи, чтобы увидѣть недостаточность начертанной схемы. Она не обращаетъ вниманія на главное обстоятельство. Она не учитываетъ того, что фронтъ Россіи былъ обращенъ на востокъ, что континентъ былъ политически безпомощенъ; что Россія шла впередъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Несмотря на «срединность» Россіи стратегическое положеніе Русскаго государства — въ сравненіи съ государствами Западной Европы — было исключительнымъ. Западная Европа — полуостровъ, занимающій $\frac{1}{26}$ часть земной суши. На этомъ тѣсномъ пространствѣ сосредоточены десятки государствъ — среди нихъ самые могущественные въ нашемъ тысячелѣтіи. Каждое движеніе одного изъ государствъ вызывало отчаянное противодѣйствіе сосѣднихъ. Исторія Западно-европейскихъ государствъ — исторія кровавой и беспощадной борьбы, орудіями, все болѣе совершенствовавшимися по мѣрѣ развитія культуры. Когда западныя государства вышли изъ предѣловъ Западно-Европейскаго полуострова, они принуждены были переплывать океаны, открывать и осваивать новыя невѣдомыя матеріки. Русское государство возникло на континентѣ. Оно росло и крѣпло на просторѣ великой Сѣверной равнины. У Россіи не было сильныхъ противниковъ. На западѣ ея противниками были наиболѣе слабыя изъ западно-европейскихъ государствъ. Но и съ ними Россія справилась только тогда, когда она укрѣпилась на востокѣ, когда она сдѣлалась по территоріи — величайшимъ государствомъ своего времени. На востокѣ Россія не встрѣтила ни одного серьезнаго противника. Монгольскія ханства пали отъ внутренняго безсилія. Съ момента ихъ паденія Россіи приходилось бороться, главнымъ образомъ, съ «пространствомъ». Когда пространство, включенное въ ея границы, хоть въ слабой степени заполнялись населеніемъ, Россія шла впередъ и занимала новыя территоріи. Беззащитный континентъ точно втягивалъ ее въ себя. Въ завоевательной политикѣ русскаго государства были, конечно, свои осознанные мотивы: Россіи нужно было защитить свои открытыя границы отъ безпокойныхъ кочевниковъ; Россіи нужны были нетронутые лѣса и нераспаханныя земли; съ про-

никновеніемъ западной культуры ее потянуло къ морямъ и открытымъ торговымъ путямъ. Но надъ всѣми этими сознательными мотивами властно господствовала неосознанный, неистребимый инстинктъ, который неустойчиво влекъ Россію на окружающія ее незащищенные пространства. Когда крѣпнущее государство не встрѣчаетъ препятствій для своего распространенія, оно неустойчиво идетъ впередъ. Исторія Россіи — неустойчивая «погоня за границами». Но она не находила ихъ; ибо весь континентъ былъ беззащитенъ. Въ началѣ XX в. Россія не только занимала половину континента. Въ «сферѣ ея вліянія» находились Монголія, Манжурія, часть Персіи. Ея виды простирались на владѣнія Турціи, Тибетъ, Восточный Туркестанъ, Афганистанъ и даже Индію. Если всѣ эти страны не вошли въ составъ русскаго государства, то это случилось не по винѣ Востока. Предѣлъ русскому распространенію былъ положенъ Западомъ. Въ концѣ концовъ русское государство встрѣтило точки сопротивленія; то были — западная Англія и возрождаемая западомъ Японія. Не случись этого, Россія могла завоевать весь континентъ и ея границы совпали бы съ границами монгольской имперіи. — Монгольское завоеваніе, разрушивъ континентъ и сливъ Россію съ Востокомъ, опредѣлило тяжкіе пути культурнаго и хозяйственнаго развитія Россіи. Монгольское завоеваніе, покоривъ континентъ и уничтоживъ возможныя точки сопротивленія, приготовило условія для грядущаго политическаго торжества Россіи; сдѣлало возможнымъ созданіе міровой русскаго имперіи. Сила и слабость Россіи — на Востокѣ.

Распространеніе Россіи на территорию, обнимающую половину великаго Сѣвернаго континента, неустойчивое раздвиганіе границъ Русскаго государства имѣло громадное значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи. Въ хозяйственномъ развитіи Россіи оно имѣло значеніе опредѣляющее. «Исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизируется». «Переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой и отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты» *). «Извѣчное колонизаціонное движеніе — основной нервъ русскаго историческаго процесса» **). Таковы неоспоримыя положенія исторической науки. Объясняются эти положенія такъ. Россія расположена на безпредѣльной, открытой равнинѣ. Отличительная черта великой равнины — однообразіе. Если двигаться съ запада на востокъ, нѣсколько отклоняясь къ югу, можно

*) Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Т. I.

***) Прѣсняковъ. Московское Госуд. I-ой полов. XVII в. Три вѣка. Т. I. 1912.

пройти тысячи версть, не замѣчая переменъ. Все тѣ-же тундры на сѣверѣ, все тѣ-же лѣса въ центральной полосѣ, все тѣ-же черноземныя степи на югѣ. Пространства великой равнины необъятны и на $\frac{9}{10}$ — до расселенія русскаго народа — были пустыни или заселены очень слабо. Таковы природныя условія. Они неудержимо влекли къ расселенію, къ неустанному осваиванію новыхъ пространствъ. Не встрѣчая естественныхъ препятствій, русское населеніе разливалось по великой равнинѣ, пока не наполнило ее до краевъ. Въ русской исторіи все текуче, все подвижно, все напоминаетъ степную траву «перекати поле». Природа страны опредѣлила вѣчное движеніе русскаго народа и этимъ опредѣлило историческія судьбы Россіи.

Въ этомъ объясненіи правильно учтены «природныя» условія, но недостаточно учтены условія историческія. Природа страны была благопріятна для переселенія. Но переселеніе стало возможнымъ только тогда, когда создались благопріятныя историческія условія. Междурѣчье Тигра и Эфрата было нѣкогда житницей міра и вмѣщало многочисленное населеніе. При турецкомъ владычествѣ оно — въ теченіе вѣковъ — оставалось мертвой пустыней. И ни одинъ переселенецъ не пришелъ сюда съ Западно-Европейскаго полуострова, выславшаго миллионы людей въ свои колоніи. Сахалинъ еще недавно былъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Когда часть его была уступлена Японіи, онъ сталъ населяться выходцами съ Японскихъ острововъ. И великая Сѣверная равнина, всегда одинаково ровная и однообразная, стала быстро заполняться русскимъ населеніемъ только тогда, когда пали политическія границы, раздѣлявшія ее, и она стала достояніемъ единого государства. Пока Московское государство было монгольской провинціей, необъятная черноземная южная степь была «пустыней великой», и только отчаянные люди «казаки», «бродники» отважились проникать въ нее. Въ 1388 г. Митр. Пимень ѣхалъ по р. Дону до Азова, а оттуда въ Царьградъ. Вотъ какъ описывается его путешествіе: «Бысть же сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; аще бо и бываше древле града красны и нарочиты зело видѣниемъ, мѣста точию, пустоусь все и ненаселѣно; нигдѣ бо видѣти человекъ, точию пустыни велия и зверей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебѣди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыни великия». Въ 1476 г. Венеціанскій посоль Контарини переѣзжалъ черезъ «большую степь Азіатской Сарматіи», лежавшую... между Волгой и Дономъ; и ничего кромѣ земли и неба, онъ тамъ не

видѣлъ *). И лишь тогда, когда бывшая монгольская провинція стала сильнымъ независимымъ государствомъ, а монгольскія царства стали провинціями государства Россійскаго, русское население стало неудержимо разливаться по великой равнинѣ. Но это случилось только 3½ вѣка тому назадъ. Если бы монгольскія государства не разсыпались, исторія равнины — несмотря на природныя условія могла бы быть совершенно иной. *Исторія Россіи есть исторія колонизаціи русской государственной территоріи, границы которой неустанно раздвигались по безпредѣльнымъ пространствамъ великаго континента.*

Съ XIII вѣка большая часть русскаго населенія была сбита въ междурѣчья Оки и Волги: на востокъ и югъ выходъ былъ запертъ монголами; на западъ въ XIV в. образовалось сильное государство литовское; суровый сѣверъ, открытый для русской колонизаціи, привлекалъ къ себѣ только слабое теченіе переселенцевъ. Разселеніе русскаго народа по великой равнинѣ, начавшееся еще въ докиевскій періодъ, было, на цѣлыя столѣтія прервано. Результаты перваго періода разселенія были, въ значительной части, уничтожены; весь югъ почти очищенъ отъ русскаго населенія. Разселеніе русскаго народа возобновилось только со 2-ой половины XVI в., когда границы государства широко раздвинулись на востокъ и на югъ. Съ XIII по XIV в. населеніе было скучено на узкомъ пространствѣ междурѣчья, уплотнилось, осѣло и составило крѣпкую основу для Московскаго государства **). Здѣсь создалось русское государственное ядро, окруженное, «кольцомъ пограничныхъ областей, подобно крѣпости, окруженной кольцомъ фортовъ». Изъ этой крѣпости вышло то широкое, но сначала осторожное и чисто оборонительное движеніе, которое постепенно привело къ разселенію русскаго народа по всему пространству Сѣверной равнины и распространенію политическаго господства Москвы на половину Великаго континента ***). Когда Московское государство перешло въ наступленіе противъ монгольскихъ царствъ, оно менѣе всего руководилось мотивами колонизаціонной политики. Его основной задачей было разрушить «разбойничьи гнѣзда», изъ которыхъ постоянно шли набѣги на границы государства. Оно шло въ наступленіе, чтобы защитить свои границы; выдвигало границы государства, чтобы оберечь старья насиженныя мѣста. Но «по-

*) Багалъй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. 1887.

Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго госуд. 1894 г.

***) Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси 1907.

***) Готье. Замосковскій край въ XVII в. 1906.

гоня за границами» неизбежно влекла за собой разсѣяніе населенія по территоріи государства. Раздвигающіяся границы тянули за собой населеніе изъ центра. Высшій государственный интересъ и непреодолимый народный инстинктъ руководили этимъ движеніемъ. Когда во второй половинѣ XVI в. Московское государство разорило монгольскія «гнѣзда» на Волгѣ и широко раздвинуло свои границы на востокъ, юго-востокъ и, частью, на югъ, задача охраненія даже внутреннихъ территорій государства еще далеко не была разрѣшена. Присоединенныя территоріи представляли собою ровныя, никакими естественными преградами незащищенныя пространства, неизвѣстно гдѣ сливающимся съ территоріями чужихъ государствъ. Черезъ новыя границы могли всегда прорваться отряды степныхъ хищниковъ изъ еще неразоренныхъ гнѣздъ. Населеніе присоединенныхъ территорій долго оставалось враждебнымъ и беспокойнымъ. Покоренныя пространства надо было покорять снова. Эта задача была гораздо труднѣе, чѣмъ побѣда надъ умиравшими отъ внутренней слабости монгольскими ханствами. Эта задача и поглощала главныя силы государства.

Въ считавшихся уже русскими провинціяхъ Московское правительство строило городки и остроги, соединяло ихъ между собой валами и засѣками и отъ одной оборонительной линіи къ другой продвигалось впередъ по собственной территоріи. За сто лѣтъ — съ пол. XVI до пол. XVII ст. — было выстроено шесть оборонительныхъ линій. По линіямъ нужно было нести сторожевую службу; въ городкахъ и крѣпостяхъ нужны были военные отряды на случай похода или осады. Правительство собирало ратныхъ людей со всего государства и отправляло ихъ на охрану окраинъ. Служилые люди — казаки, стрѣльцы, пушкари, сторожа, станичники — и были первыми насельниками новыхъ провинцій. Они шли сюда по волѣ правительства, — по «прибору и указу» Государеву. «По прибору и указу» отправлялись сюда и посадскіе люди, и тяглые крестьяне. Крестьяне обязаны были нести свою «государеву» службу — пахать пашню для служилыхъ людей. Въ случаѣ нужды, пахать пашню ихъ заставляли «въ неволю».

Но служилаго населенія и приставленныхъ къ нему правительствомъ посадскихъ и пашенныхъ людей было недостаточно для защиты окраинъ. «Московское правительство очень рано сознало, что только земледѣльческое населеніе «прожиточное и семьянистое» составить оплотъ болѣе прочный противъ всякихъ воинскихъ людей, чѣмъ разные валы, засѣки, рвы, надолбы, честики и тому подобныя сооруженія военно-инженерна-

го искусства» *). Закрѣпить завоеванныя территоріи — въ особенности, степное «дикое поле» — могло только плотное осѣдлое населеніе. Отсюда постоянная забота правительства привлечь поселенцевъ на окраины. Безпощадное ко всѣмъ классамъ населенія въ старыхъ областяхъ, оно сквозь пальцы смотрѣло на вольныхъ поселенцевъ въ окраинныхъ провинціяхъ, не спрашивая, кто и откуда они. Еще, сравнительно, въ недавнее время правительство «кликало кличъ», объявляя, что всѣ бѣглые и безпаспортные могутъ до такого то срока приписываться къ такому то городу. Такъ возникли города Ейскъ, Темрюкъ и Майкопъ Кубанской области **). Но, обычно, вольные переселенцы не ждали приглашенія правительства. Вслѣдъ за поселенцами «по прибору и указу» — «переведенцами» — шли «сходцы», «утеклецы» — гулящие люди, бобыли, захребетники, холопы, преступники. Вслѣдъ за колонизаціей правительственной цѣла колонизація вольная, часто перегоняя ее и переливая черезъ укрѣпленныя линіи. Съ тѣхъ поръ, какъ раздвинулись границы государства и раскрылись необъятныя южныя степи, населеніе изъ центральной области замосковского края — стало неудержимо двигаться на вольныя украины. Всѣ, кому плохо жилось въ старыхъ областяхъ государства, «брели розно»; ибо было куда брести. Гнетъ, нужда подымали русскихъ людей со старыхъ насиженныхъ мѣстъ и гнали въ «землю незнаему» — «татарскую степь», «на поросшую землю, на дикое поле». Ибо тяжело было положеніе населенія въ Московскомъ государствѣ и особенно тяжело положеніе социальныхъ низовъ — тяглыхъ крестьянъ, посадскихъ и мелкаго служилого люда. — Главная причина «великаго переселенія» была иная. Главная причина была та же, которая опредѣлила безграничное расширеніе русскаго государства. Какъ государство русское неудержимо шло впередъ, точно втягиваемое окружавшими его незащищенными пространствами, такъ русское населеніе неудержимо тянуло на безпредѣльныя, никѣмъ не занятыя пространства на вольный земельный просторъ. Монгольское завоеваніе сбilo русское населеніе на скудномъ суглинкѣ, въ лѣсной мѣстности съ суровымъ сѣвернымъ климатомъ. Расширеніе границъ въ XVI—XVII в. раскрывало передъ русскимъ населеніемъ богатныя черноземныя степи съ мягкимъ климатомъ юга. На черноземную новъ неудержимымъ потокомъ и устремилось населеніе центра. За 60—70 лѣтъ — второй половины XVI и начала XVII в. — на югъ и юго-востокъ передвинулось изъ старыхъ областей го-

*) Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. 1894.

***) Воейковъ. Распредѣленіе земли. 1911.

сударства не менѣе миллиона людей (при населеніи въ 10—12 миллионѣвъ во всемѣ государствѣ). Экономическій кризисъ центра въ XVI—XVII в. объясняется этимъ неудержимымъ «разсѣяніемъ» населенія. Населеніе центра безостановочно «сползало» на югъ, расплывалось по «географической картѣ» и заливало плодородныя степи. Замосковный край скудѣлъ и обезлюживалъ. Центръ хозяйственной жизни перемѣщался на черноземъ. — Эта тяга на черноземъ, на земельный просторъ и опредѣлила весь послѣдній трехвѣковый періодъ русской исторіи.

Въ XVI—XVII в. переселенцы изъ центральныхъ областей шли двумя привычными дорогами: самая проторенная вела на югъ за Оку; болѣе спокойная — въ Среднее Поволжье *). Въ эти вѣка шло заселеніе перваго «колонизаціоннаго» пояса — степи, Средняго Поволжья, Прикамья. Въ XVIII—XIX в. «сползание къ югу» происходило еще съ большей силою. До 2-ой половины XVIII в. продолжалось заселеніе перваго пояса. Съ этого времени переселеніе передвинулось дальше, на новыя мѣста: Новороссію, низовое Поволжье, Донскую область, Сѣверный Кавказъ. За XVIII и первую половину XIX в. переселеніе охватило громадныя массы русскаго народа — не менѣе 10—12 мил. людей. Правительство продолжало свою старую политику — закрѣпленія пустынныхъ окраинъ земледѣльческимъ населеніемъ, «прожиточнымъ и семьянистымъ». Оно переводило на новыя земли казенныхъ крестьянъ, отправляло «на поселеніе» преступниковъ, вызывало поселенцевъ изъ другихъ странъ. Въ царствованіе Николая I, во время управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Киселевымъ, было переселено казенныхъ крестьянъ 169 тыс. душъ мужского пола. За столѣтъ — съ половины XVIII до половины XIX в. — было поселено нѣсколько сотъ тысячъ иностранныхъ колонистовъ — шведовъ, нѣмцевъ, сербовъ, болгаръ, грековъ, валаховъ. Въ XIX в. сослано было въ Сибирь 900.000 поселенцевъ. На ряду съ колонизаціей правительственной большое значеніе приобрѣла въ эту эпоху колонизація помѣщичья. Помѣщики получали громадныя пожалованія въ новыхъ областяхъ и стремились ихъ использовать, переводя сюда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ старыхъ имѣній. Но и въ эти вѣка, несмотря на строгости крѣпостной эпохи, главную массу переселенцевъ составляли вольные переселенцы — бѣглецы крестьяне. Въ особенности велико было вольное переселеніе въ первой половинѣ XVIII в., когда населеніе бѣжало отъ тяжелыхъ условій жизни, создавшихся въ

*) Готье. Замосковный край въ XVII в.

царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ. То ослабѣвая, то усиливаясь, движеніе бѣглецовъ на новыя земли продолжалось до самаго конца крѣпостной эпохи. Временами, движеніе принимало размѣры народнаго переселенія. «Въ 20-хъ годахъ XIX в. изъ Тверской, Рязанской и Курской губерній крестьянскіе массы передвигались въ Новороссію и Бессарабію. Число бѣглецовъ въ нихъ было такъ велико, что возвращеніе ихъ подорвало бы развитіе края, почему въ 1827 г. бѣглыхъ крестьянъ, зашедшихъ въ Новороссійскія губерніи, велѣно было оставить на прежнихъ мѣстахъ. Въ 1845—7 г. крестьяне толпами бѣжали на Кавказъ изъ Саратовской, Курской и Воронежской губерній» *).

Вторая половина XIX и начала XX в. — періодъ высшаго подъема переселенческаго движенія. Процессъ «сползанія» къ югу и разсѣянія по Великой равнинѣ продолжался съ неудержимой силой. Крѣпостное право искусственно сдерживало разселеніе. Крестьяне были лишены права передвиженія. Переселеніе «вольное» было переселеніемъ «бѣглыхъ». Отмѣна крѣпостнаго права и лихорадочный ростъ населенія, послѣдовавшій вслѣдъ за этимъ, увеличили переселенческое движеніе до громадныхъ размѣровъ. Оно охватило много миллионныхъ людей и, постепенно, распространилось на всѣ области государства. Первые десятилѣтія послѣ реформы правительство относилось къ движенію враждебно. Оно хотѣло сохранить рабочія руки на мѣстѣ для помѣщичьихъ хозяйствъ. Мало по малу, однако, непреодолимое народное движеніе увлекло и правительство. Не будучи въ состояніи сдержать переселенческій потокъ, съ 90-хъ годовъ правительство снова вернулось къ своей традиціонной вѣковой политикѣ и дѣло переселенія взяло въ свои руки. «До 80-хъ годовъ переселенческое движеніе направлялось, главнымъ образомъ, на югъ — въ Новороссію, на сѣверный Кавказъ — и, отчасти, въ Заволжье; съ 80-хъ годовъ оно перебрасывается черезъ Уральскій хребетъ, направляясь сначала въ ближайшую западную часть Сибири потомъ въ восточную; и, наконецъ, въ послѣдніе годы поворачиваетъ на югъ — въ Средне-азіатскія степи». И эмиграція охватываетъ все новыя и новыя области. До половины XVIII в. она шла исключительно изъ стараго центра; во второй половинѣ XVIII и въ XIX в. она распространилась на черноземныя губерніи; въ концѣ XIX и началѣ XX в. выселеніе шло почти изъ всѣхъ областей Европейской Россіи. Теперь идетъ заселеніе Россіи Азіатской. Въ началѣ 90-хъ годовъ среднимъ числомъ ежегодно въ Сибирь переселя-

*) Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. 1911.

лось 50.000; въ 1895—1904—112 т.; въ 1905—1910—420 т. За 20-лѣтіе съ 1885 по 1914 перешло черезъ Уралъ 1½ милл. людей; за пять лѣтъ съ 1905 по 1910 — *болѣе двухъ мил.* *). За все существованіе Россійскаго государства волна переселенческаго движенія никогда не поднималась такъ высоко, какъ въ десятилѣтіе, предшествовавшее Великой войнѣ и революціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что переселенческое движеніе будетъ продолжаться и впредь. Еще долго населеніе будетъ «сползать» къ югу, «брести» на востокъ, пробираться къ «студеному морю» и къ «Индійскому царю». Тотъ великій исходъ, который совершается въ настоящее время изъ голодныхъ губерній, только моментъ неугомоннаго вѣковаго движенія русскаго народа. Правда, этотъ исходъ вызванъ временными причинами и исключительными обстоятельствами. Но такъ было всегда. Соціальныи гнетъ, политическая смута, религіозныи притѣсненія, неурожай, засуха подымали людей и гнали на поиски новыхъ земель. Съ удивительною легкостью бросали старыя насиженныя мѣста и шли въ невѣдомые края. Шли, ибо знали, что мѣсто для поселенія есть — его только надо найти. Такъ, несомнѣнно, будетъ и впредь — до тѣхъ поръ, пока не заполнится до краевъ Великая Сѣверная равнина; пока населеніе не распределиться болѣе или менѣе равномерно по территоріи государства, пока разниа уровней населенія въ различныхъ областяхъ государства велика, «разсѣяніе» населенія будетъ совершаться неудержимо.

Процессъ выравниванія уровней населенія въ областяхъ русскаго государства продвинулся, въ настоящее время, довольно далеко. Въ концѣ XVIII в. наиболѣе населенная область — центральная насчитывала 39,1 чел. на кв. версту; наименѣе населенная — юго-восточная — 2,2 чел. (не принимая въ расчетъ мало пригодныхъ для населенія сѣверныхъ губерній). Плотность населенія первой области превышала плотность второй въ 18 разъ. Въ концѣ XIX в. плотность наиболѣе населенной области (юго-западной — 57,5 ч. на кв. в.) превышала плотность наименѣе населенной (сѣверо-западной — 21,2 ч. на кв. в.) въ 2½ раза. **) Но это относится только къ Европейской Россіи. Разниа между населенностью европейской и азіатской Россіи остается громадной. Европейская Россія на 5 мил. кв. кил. насчитываетъ 150 мил. чел.; Азіатская Россія — на 16 мил. кв. кил. 29 мил. чел. Плотность наиболѣе населенной области Евр. Россіи превышаетъ плотность наиболѣе населенной области Азіатской Россіи (Закаспійской) въ 17 разъ, южно-сибирской

*) Огановскій.

**) Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I.

— въ 35 разъ, западно-сибирской — въ 65 разъ, восточно-сибирской — въ 227 разъ. *) »

Можно спорить о томъ, какое количество переселенцевъ въ состояніи принять въ настоящее время Азіатская Россія и приходитъ къ пессимистическимъ выводамъ; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что количество жителей, которое можетъ вмѣстить Азіатская Россія, значительно превышаетъ ея настоящее населеніе и что, съ теченіемъ времени, она поглотитъ много милліоновъ переселенцевъ изъ другихъ областей государства. **) Процессъ выравниванія уровней еще не закончился. Вѣковое движеніе русскаго населенія еще продолжается.

Таковы пути «разсѣянія» русскаго народа по Великой равнинѣ. По своимъ судьбамъ, русскій народъ — народъ странникъ и колонизаторъ. Это случилось потому, что русскій народъ строилъ свое государство на открытой равнинѣ, уходящей въ безпредѣльную глубь великаго континента. И еще больше это случилось потому, что Россія исторически была обращена къ Востоку — беззащитному и покорному. Границы государства неустанно раздвигались. И, вслѣдъ за границами, неустанно разсѣяны шель непрерывно и нарастая. Его высшій подъемъ — не отдаленныя времена, а десятилѣтія, протекающія передъ нами. Неправильно изображать этотъ процессъ, какъ обычное явленіе, наблюдавшееся, на зарѣ исторіи, и въ другихъ странахъ. Историки, вытѣживающіе разселеніе русскаго народа въ одну линію и изображающіе громадное движеніе послѣднихъ вѣковъ, какъ замирающій отплескъ доисторическаго движенія, допускаютъ несомнѣнную ошибку. «Великое переселеніе» началось только 3½ вѣка тому назадъ. Оно протекало въ границахъ организованнаго государства; руководилось государствомъ; совершалось въ интересахъ государства. Государству нужно было наполнить пустыя пространства и распредѣлить населеніе по территории страны. Населеніе охотно шло за государствомъ. Здоровый инстинктъ влекъ народныя массы съ холоднаго сѣвера на теплый югъ, со скуднаго суглинка на плодородный черноземъ, съ тѣсныхъ лѣсныхъ прогалинь на вольный просторъ степей. Государство вложило въ движеніе сильную волю и неограниченную власть. Народъ — неудержимый порывъ и почти религиозный пафосъ. Государственный интересъ и народный

*) Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. 1907.

Annuaire internationale de statistique agricole. 1920.

**) Огановскій. Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика. 1914.

Wiedenfeld. Sibirien in Kultur und Wirtschaft. 1916.

инстинктъ совпали. Что же удивительнаго, если, въ конечномъ итогѣ, этотъ грандіозный историческій процессъ наложилъ свой отпечатокъ на всю культуру Россіи; и, въ особенности, на ея культуру хозяйственную. И, если въ характерѣ народа появились черты, этотъ процессъ отразившія. Личность народа индивидуальна и таинственна. Но жизнь, прожитая народомъ, оставляетъ на его лицѣ неизгладимыя черты.

XIII вѣкъ—поворотный моментъ въ хозяйственной исторіи Россіи. Россія старая — городская и торговая — сошла со сцены. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Кипчакскаго государства выросла новая Россія — деревенская и земледѣльческая. Въ Кіевской Россіи земледѣльческое хозяйство играло только подсобную роль. Населеніе жило лѣсными промыслами — звѣроловствомъ, бортничествомъ — и внѣшней торговлей. Главными предметами вывоза были — мѣха, медь, воскъ. Хлѣбъ производился, по преимуществу, для внутренняго потребленія. Въ монгольской Россіи внѣшняя торговля не существовала. Лѣсныя богатства быстро истощились. Земельное хозяйство сдѣлалось главнымъ источникомъ существованія. Почти единственнымъ народнымъ капиталомъ оставалась земля. — Разселяясь по новымъ территориямъ государства, населеніе встрѣчало новыя, нетронутыя уголья — звѣриныя, рыбныя, пчелиныя; «входы» и «ухожай», какъ ихъ называли въ XV - XVI в. Когда въ XVI в. населялись южныя степи, ихъ звѣриныя и рыбныя богатства были изумительны и нисколько не уступали сѣвернымъ лѣсамъ. «Во время весенняго метанія икры, рыба въ такихъ массахъ устремлялась на верховья степныхъ рѣкъ и рѣчекъ, что отъ тѣсноты и недостатка воздуха, выпрыгивала на берегъ».) Однако, благодаря непрерывному притоку переселенцевъ, эти богатства быстро — иногда въ нѣсколько десятилѣтій — истощались. Полоса бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель продвигалась дальше, а населеніе переходило къ главному своему промыслу — земледѣльческому.**)

И въ новыхъ областяхъ государства земля очень скоро оставалась единственнымъ народнымъ капиталомъ. — Зато земельныя богатства казались неисчислимыми. Каждая новая территория, присоединяемая къ государству, раскрывала новыя земельныя пространства, обычно нетронутыя плугомъ и никѣмъ не населенныя. Въ особенности, въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ населеніе находило безпредѣльный земельный просторъ — «моря земли». Свободный земельный запасъ былъ такъ великъ, что государство очень мало дорожило землей и раздавало ее почти безъ отказа. «Въ 1558

*) Любавскій. Историческая географія Россіи. 1909.

**) Милуковъ. Т. I.

г. Григорій Строгановъ подалъ челобитную царю Ивану Васильевичу, въ которой указывалъ, что въ вотчинѣ государя, въ Великой Перми, по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Лысы до Чусовой лежатъ мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые и никому не отписанные.» Челобитчикъ просилъ пожаловать эти земли. Царь пожаловалъ просимую землю *на пространствѣ 146 верствъ*. Бывали случаи, когда земля даже не жаловалась, а населенію просто предлагалось селиться «гдѣ кто похощеть».) — Осваивая новую территорию, население разбрасывалось очень широко, селясь небольшими группками — «островами», «оазисами» среди простора лѣсовъ и степей. Такой способъ поселенія диктовался интересами охоты, пчелинаго, рыбнаго промысла, сбора «ясака» съ покоренныхъ народцевъ. Въ степныхъ областяхъ населеніе городковъ и селъ было болѣе многочисленное, чѣмъ на сѣверѣ. Но и здѣсь населенныя мѣста далеко отстояли другъ отъ друга и были окружены со всѣхъ сторонъ пустыми пространствами. Когда населеніе колонизируемой области увеличивалось, пустыя пространства, лежащія между населенными мѣстами, постепенно занимались и осваивались. Изъ городковъ и деревень, основанныхъ первыми переселенцами, выдѣлялись «починки», «выселки» и располагались на «сыромъ корню», «на черномъ дикомъ лѣсу». Еще долгое время — иногда цѣлыя столѣтія — послѣ того, какъ какая-нибудь территория осваивалась населеніемъ, внутри территоріи сохранялись большія нетронутыя пространства и продолжался процессъ внутренняго разселенія. А къ тому времени, когда земельный запасъ въ данной области сокращался, открывались новыя области колонизаціи, и избыточное населеніе уходило на новыя мѣста. — Земельный просторъ представлялъ ту обстановку, въ которой прожилъ почти всю свою историческую жизнь русскій народъ. Это наложило неизгладимую печать на его хозяйственную психику и культуру.

Отсюда своеобразное отношеніе народа къ землѣ. Земля—единственное народное достояніе, единственный народный капиталъ. Безъ земли — голодная смерть. Это объясняетъ вѣчное стремленіе народа къ землѣ, вѣчную погоню за землей. Земля—«мать», «кормилица». Русскій народъ горячо любитъ землю и страстно тоскуетъ безъ нея. Но земли много; она лежитъ рядомъ, нераспаханная, нетронутая. А, если земли нѣтъ подъ рукой, ея много въ другомъ мѣстѣ — надо только пойти и занять. Отсюда удивительное небреженіе богатствами земли, ея тучностью, плодородіемъ. Поднимаютъ новину — нетронутую, не-

*) Любавскій.

истощенную землю, снимают одинъ, два урожая; и затѣмъ пашню бросаютъ — предоставляя природѣ восстанавливать ея плодородіе. Двигаясь впередъ и занимая новыя пространства, русскій народъ не приносилъ съ собою старой земледѣльской культуры, не принимался за любовную обработку земли; онъ поднималъ, «теребилъ» землю, сѣялъ на «гари», «опали», «ляди» и черезъ короткое время бросалъ свои «притеребы», «рощисти», чтобы перейти на новыя. «А на тѣхъ, государь, мѣстахъ» — пишутъ въ своей челобитной крестьяне Тотемскаго уѣзда въ XVII в. — «гдѣ у насъ, сиротъ твоихъ, отхожія однохлѣбныя пашни, сѣчемъ мы...большой черной, дикій лѣсъ, и тотъ, государь, лѣсъ сжегши и опрытавъ, сойдемъ одинъ хлѣбъ, и то мѣсто покинемъ, покамѣстъ опять тотъ лѣсъ поростетъ». «А мы, государь», — пишутъ крестьяне Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда — съ тѣхъ новинныхъ мѣстъ снимаемъ въ три года по одному по русаному сѣву (т. е. три урожая) съ большихъ лѣсовъ, а впредь, государь, на четвертый годъ впускъ мечемъ, потому что, государь, тѣ—новинныя мѣста, лѣсъ большой растетъ, и впредь, государь, на тѣхъ мѣстахъ другого хлѣба не сѣютъ, да и не родится.»*) Такъ велось хозяйство въ лѣсныхъ областяхъ. А вотъ какъ велось хозяйство въ степи. «Вѣзжалъ козакъ на своихъ волахъ съ плугомъ «у вольныи степь», оглядывалъ его окомъ и выбиралъ угодный собѣ облогъ, гдѣ похотивъ, та й оравъ». Пахалъ онъ облюбованный участокъ годъ, два, десять, какъ только замѣчалъ, что «місто не дуже родить» пускалъ облогъ въ залежь и выбиралъ «иншее собѣ угодное місто», на которомъ «зновъ що годъ, то й оравъ». Это называлось «щогоднымъ хозяйствомъ на переменныхъ облогахъ».***) Земельный просторъ опредѣлялъ форму земледѣльской культуры. Зачѣмъ было переходить къ высшимъ системамъ хозяйства, глубже вспахивать землю, удобрять ее, когда рядомъ лежала нетронутая земля, вспашка которой при менѣшемъ трудѣ могла дать лучшіе урожаи. А если нераспаханной земли по близости не было, можно было уйти на новыя мѣста и поднять новыя цѣлины. Къ паровой системѣ — чаще трехпольной — переходили только тогда, когда кругомъ нераспаханной земли больше не было, а дороги на новыя мѣста почему то были закрыты. Такъ случилось къ концу XV в. Къ этому времени внутренняя колонизація Замосковнаго края закончилась. Свободная земля была распахана, а выходы на черноземныя степи заперты монголами. Волей неволей населеніе принуждено было

*) Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. т. I. 1909.

**) Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи.

чаще возвращаться на уже распаханная земли и перейти къ паровой трехпольной системѣ. Но это длилось не долго. Въ срединѣ XVI в. открылся выходъ къ югу, въ «поле» и на Волгу, къ «низовымъ городамъ». Населеніе стало быстро разсѣиваться по необъятнымъ территориямъ новыхъ областей. И, вмѣстѣ съ населеніемъ стала «разсѣиваться» земледѣліе. Процессъ углубленія, «интенсификаціи» земледѣльческой культуры, намѣтившійся съ конца XV в., быстро смѣнился обратнымъ процессомъ. На новыхъ мѣстахъ осваивали и дѣлили нетронутыя земли, поднимали новыя и заводили «щогодное хозяйство на перемѣнныхъ облогахъ». Но и въ Замосковномъ краѣ вернулись къ старому перелогу. Населеніе разбрелось, и земли опять стало много. Трехполье стало не нужнымъ. Вплоть до XVIII вѣка перелогъ — самая распространенная система хозяйства во всей Россіи. Только въ XVIII вѣкѣ область бывшаго Замосковнаго края — центральная область государства — снова перешла къ трехполью. Въ значительной мѣрѣ, это произошло благодаря крѣпостному праву, искусственно сдерживавшему разсѣяніе населенія по странѣ. Въ первомъ поясѣ колонизаціи — въ степи и среднемъ Поволжьѣ — трехполье начало распространяться къ концу XVIII в. и окончательно побѣдило только въ XIX в. Но еще въ пореформенное время въ этихъ областяхъ встрѣчались мѣста съ переложнымъ хозяйствомъ. Во второмъ поясѣ — Новороссіи, Нижнемъ Поволжьѣ и Сѣверномъ Кавказѣ — трехполье стало распространяться только въ пореформенное время. Въ Азіатской Россіи переложная, подсѣчная, «лядинная» системы распространены и теперь. Есть много оснований предполагать, что разгромъ народнаго хозяйства, произведенный большевистской властью, вернулъ русскую земледѣльческую культуру на уже пройденныя ею ступени. Запашка полей сократилась, много земли лежитъ «впустѣ», и старинный перелогъ снова сталъ обычнымъ явленіемъ русской земледѣльческой жизни. Таково вліяніе земельного пространства на земледѣльческое хозяйство Россіи.

Съ незапамятныхъ временъ русская равнина знала земледѣльческую культуру. Болѣе 7 вѣковъ земледѣліе является главнымъ промысломъ русскаго народа. И, однако, только въ послѣдніе два вѣка медленно, отъ области къ области, стала переходить Россія къ самой элементарной системѣ организованнаго земледѣльческаго хозяйства — трехпольной. Земледѣльческая культура развивалась не вглубь — совершенствуя методы обработки и увеличивая плодородіе земли; а въ ширь — захватывая новыя территоріи государства

подымая цѣлины, распахивая земли, къ которымъ отъ вѣка не прикасался земледѣльческій плугъ. Ширилось государство Россійское. Раздвигались государственныя границы. Разливалось по великой равнинѣ русское населеніе. И, вмѣстѣ съ населеніемъ, разливалась, разсѣивалась земледѣльческая культура. Вся хозяйственная энергія, весь хозяйственный пафосъ русскаго народа ушли на это пространственное развитіе земледѣлія. Экстенсивная система хозяйства, вызванная къ жизни и обусловленная обиліемъ свободной земли, въ свою очередь требовали земельного простора, толкала на поиски нераспаханныхъ земельъ. Вѣками приученное къ экстенсивной культурѣ населеніе — когда земельный просторъ исчезалъ — беспомощно останавливалось передъ творчествомъ новыхъ культурныхъ формъ и предпочитало «брести розно», съ твердой увѣренностью, что набредеть на цѣльныя, нетронутыя земли. Когда земельный надѣлъ не могъ прокормить разросшейся семьи крестьянина и наступала нужда, русскій крестьянинъ думалъ не о томъ, какъ увеличить плодородіе своего надѣла, какъ лучше обработать и удобрить землю; онъ думалъ о томъ, гдѣ добыть еще землицы, какъ увеличить свою земельную долю, въ какую сторону брести на новое поселеніе. Русскій крестьянинъ всегда думалъ больше о землѣ, еще не распаханой и, во всякомъ случаѣ, ему не принадлежащей, чѣмъ о землѣ, на которой онъ сидѣлъ и которую онъ обрабатывалъ. Переходъ къ высшей формѣ хозяйственной культуры требуетъ такого же напряженія воли, ума и творческаго вдохновенія, какъ переходъ къ высшей формѣ культуры духовной. Воля, умъ и творчество русскаго народа были направлены не на созданіе высшихъ формъ земледѣльческой культуры, а на распространеніе уже готовыхъ формъ по необъятной территоріи государства. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ устремленіи хозяйственной психики народа, русскій народъ — народъ - земледѣлецъ — ничего не внесъ въ міровую культуру земледѣлія и остался на самыхъ низкихъ ступеняхъ земледѣльческаго хозяйства. Зато достойны величайшаго удивленія достиженія русскаго народа въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой культуры по поверхности земного шара. Земледѣльческая область Россіи — величайшая въ мірѣ. Этимъ Россія обязана колонизаторскому гению своего народа, его творческой тягѣ въ пространство, новымъ нетронутымъ человѣческимъ трудомъ землямъ. Эту громадную культурную работу русскій народъ продѣлалъ въ короткое время — въ нѣсколько столѣтій. Русская общественность удивительно невнимательна къ своему народу. Она не замѣтила и не оцѣнила того, что, «бредя розно», подымая новины и «теребя» землю,

русскій народъ совершалъ одинъ изъ величайшихъ культурныхъ подвиговъ, которые знало человѣчество.

Безконечныя равнинныя пространства ширящейся территоріи государства, безпредѣльный просторъ земель опредѣлили хозяйственную психику русскаго народа, его хозяйственный пафосъ, его культурную настроенность. Эти же обстоятельства опредѣлили тяжелую матеріальную судьбу народа, его безвыходную хозяйственную драму. Традиціонное русское земледѣльческое хозяйство — примитивное и хищническое. Оно беретъ у земли ея богатства и ничего ей не возвращаетъ. Оно не знаетъ искусственнаго орошенія полей, осушенія болотистыхъ почвъ, тщательной обработки земли, искусственнаго удобренія, плодосмѣна. Навозное удобреніе примѣняется только на высшихъ ступеняхъ трехполья. Когда земли много, ей даютъ отдохнуть, обращая въ залежь, оставляя подъ паромъ. Когда мало — расширяютъ пашню за счетъ другихъ угодій — вырубаютъ лѣса, распахиваютъ луга и выгоны — и безжалостно «выпахиваютъ» землю. При русскихъ системахъ хозяйства, плодородіе земли можетъ только падать, а не подыматься. Высшіе урожаи всегда въ прошломъ. Земли «добрыя», привлекавшія къ себѣ переселенцевъ, черезъ короткое время послѣ заселенія, становятся «средними», а затѣмъ «худыми». Земля выпаживается и больше не родитъ. Вся система хозяйства рассчитана на распаханіе новыхъ. Каждый прибылой членъ семьи нуждается въ новомъ надѣлѣ. Расширеніе земельной площади должно идти безостановочно. При ростѣ населенія и сокращеніи земельного простора, неизбежно наступаетъ земельная нужда. Когда переселеніе возможно, земельная нужда временно прекращается. Когда переселеніе почему либо невозможно, земельная драма становится безвыходной. При безпредѣльномъ земельномъ просторѣ на мѣстѣ земли всегда мало; земли всегда не хватаетъ. Жалоба на недостатокъ земли — вѣчная жалоба русскаго народа. Ее можно прослѣдить глубоко въ вѣкахъ. Она звучитъ все громче и громче въ послѣднія триста лѣтъ. Въ 1658 году архіепископъ Тобольскій Симеонъ билъ челомъ государю о дозволении его крестьянамъ занять новыя земли: «Въ Софійскихъ слободахъ, пишетъ онъ царю Алексѣю, учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпажались... и софійскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали долгами, а людей въ слободахъ пребываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя де земли въ софійскихъ слободахъ мало; а есть де по Пышлѣ рѣкѣ вверхъ по обѣ стороны пашенныя земли пустыя, никто ими не владѣетъ, лежатъ въ пустѣ и ту бы землю пожаловать, дать софійскимъ крестьянамъ на пашни устрой-

ства».) Жалобами на скудное земельное обезпечение полны крестьянские указы в Екатерининскую законодательную комиссію 1767 года. «Земельный голодъ не былъ какъ видно изъ крестьянскихъ заявленій, чисто случайнымъ или мѣстнымъ явленіемъ. Онъ былъ затяжнымъ хроническимъ недугомъ... Земельный вопросъ является жизненной проблемой и для черносошнаго крестьянина поморскихъ уѣздовъ, и для однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ центральныхъ провинцій государства, и для приуральскихъ иногородцевъ и приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ посесіонныхъ крестьянъ, и даже для представителей казачьяго войска, живущаго въ своихъ станицахъ по Тереку и нижней Волгѣ». Крестьяне Лохацкаго погоста Важескаго уѣзда въ своемъ наказѣ пишутъ: «И имѣется у насъ пахотной сѣвчей земли не съ удовольствіемъ и то песчанная и болотная между мокрыми мѣстами..., а сѣнокосной земли, за неимѣніемъ большой рѣки, по рѣкамъ и ручьямъ имѣется малое число и затѣмъ расплодить скота къ хлѣбопашеству невозможно, и оттого хлѣбу имѣется оскудѣніе». «И какъ въ землѣ, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ претерпѣваемъ нужду», — пишутъ Алексинскіе, Пушкарскіе и Стрѣлецкіе дворяне, — «и приходимъ въ несостояніе и скудость». Ясашные черемисы Казанскаго уѣзда пишутъ: «Ко удовольствію пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и протчихъ угодій имѣемъ весьма мало, и за такимъ неудовольствіемъ къ насѣянію хлѣбовъ пашенной земли, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, приходимъ въ великую скудость и убожество»). Въ XIX в. жалоба на земельную нужду становится всеобщей. Земельный просторъ исчезаетъ въ одной области государства за другой. Къ концу вѣка европейская часть Великой равнины заполнена населеніемъ почти до краевъ. Грандіозное пореформенное переселенческое движеніе, охватившее всѣ области Европейской Россіи, опредѣлялось единственной причиной — нуждой въ землѣ. Переселенцы въ Сибирь, на вопросъ о причинахъ ихъ выхода съ родины, отвѣчали: «Отъ безземелья»; «жить не при чемъ»; «земли стало мало»; «кола вырубить негдѣ».

Въ XX в. земельная нужда принимаетъ характеръ народнаго бѣдствія. Борьба за землю достигаетъ крайняго напряженія. Жалоба о землѣ звучитъ, какъ нескрываемаѣя угроза. Когда пришла Великая революція и душа народа раскрылась, «тяга къ

*) Довнаръ-Запольскій. цит. Соч.

***) Бочкаревъ. „Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ указамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г.“. Сборникъ, посвящ. Ключевскому. 1909 г.

землѣ» прорвалась съ неудержимой силой. Въ стихійномъ порывѣ народа къ землѣ говорили вѣка русской исторіи.

Земельный вопросъ—основной вопросъ русской жизни. На «землѣ» оттачивали свое міросозерцаніе общественныя теченія и партіи. Земля дѣлила русское общество на непримиримые лагери. Одни говорили: земельная нужда — коренная причина народнаго разоренія. Крестьянъ обидѣли землей еще въ эпоху Освободительной реформы. Съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось, и земельные надѣлы уменьшились. На почвѣ земельной нужды выросла новая крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. На ничтожныхъ крестьянскихъ надѣлахъ нельзя вести рациональное хозяйство и поднять земледѣльческую культуру. Спасти народное хозяйство можетъ только земельная реформа. — Другіе говорили: земельные надѣлы русскихъ крестьянъ больше крестьянскихъ надѣловъ въ другихъ странахъ Европы и значительно больше крестьянскихъ надѣловъ въ странахъ Востока — Китаѣ, Японіи, Индіи. Высокая земледѣльческая культура возможна и на небольшихъ участкахъ. Причина крестьянскаго разоренія — не въ недостаточности земельныхъ надѣловъ, а въ низкомъ уровнѣ русской земледѣльческой культуры, въ общей «отсталости» русскаго народа, «первобытности» его культурнаго состоянія. Земельная реформа въ этомъ отношеніи ничего измѣнить не можетъ и крестьянскаго разоренія не остановитъ. Необходимо поднятіе культурнаго уровня народа и переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ земледѣльческаго хозяйства. Таковы два полюса русской общественной мысли. Историческій анализъ безошадно вскрываетъ недостаточность обоихъ воззрѣній. Правы тѣ, которые указываютъ на ошибки Освободительной реформы, на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, на зависимость отъ помѣщиковъ, на необходимость земельной реформы. Но они забываютъ при этомъ, что Освободительная реформа въ Россіи — въ земельномъ отношеніи—была проведена лучше, чѣмъ въ какой либо изъ странъ Западной Европы; *) что высшая земледѣльческая культура процвѣтаетъ въ странахъ съ наименьшими земельными надѣлами; что самая радикальная земельная реформа будетъ незначительнымъ палліативомъ въ земельной нуждѣ крестьянъ. И они не объясняютъ: почему такъ неудержима тяга крестьянъ къ землѣ? Почему въ землѣ нуждаются всѣ — мало-земельный крестьянинъ Украины и поселенецъ въ Сибирской тайгѣ и степи? Почему изъ всѣхъ странъ міра — передовыхъ и отсталыхъ—именно въ Россіи разыгралось такое гран-

*) М. Ковалевскій. Прошлое и настоящее крестьянскаго землеустройства. Вѣстникъ Европы 1911. У.

діозное движеніе за землю? — Другіе правы, когда они указываютъ на относительную значительность крестьянскихъ надѣловъ въ Россіи; на низкій уровень русскаго земледѣльческаго хозяйства; на необходимость перехода къ высшимъ земледѣльческимъ культурамъ. Но они не объясняютъ: почему русскій крестьянинъ предпочитаетъ вести жизнь, полную нужды и лишеній, умирать голодной смертью отъ неизбѣжно повторяющихся неурожаевъ, брести розно по необозримымъ пространствамъ государства, чѣмъ вложить немного больше любви, труда и заботы въ свой земельный участокъ? Почему, когда онъ рѣшается, наконецъ, перейти къ болѣе напряженной земледѣльческой культурѣ, съ такимъ трудомъ и натугой онъ дѣлаетъ это? Объясненіе — «некультурность», «первобытность», «отсталость» — неубѣдительно. Германцы начали въ V в. переходить къ трехпольному хозяйству и въ VIII в. этотъ процессъ былъ уже законченъ^{*)}. Ацтеки и жители древняго Перу, первые — до открытія Америки европейцами — знакомые съ затѣлками, вторые совсѣмъ незнакомые съ письменностью, вели развитое земледѣльческое хозяйство, съ удобреніемъ полей и сложной системой искусственнаго орошенія. Даже первобытные народы Африки и Азіи примѣняютъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ удобреніе, искусственное орошеніе и плодосмѣну^{**)}. Неужели русскій народъ, насчитывающій тысячелѣтія культурной исторіи, создавшій величайшее государство въ мірѣ — отъ вѣка къ вѣку растущее и крѣпнущее, — распротранившій культуру земледѣлія по территоріи, не имѣющей равной на земномъ шарѣ, достигшей въ XIX в. духовныхъ высотъ, на которыя съ удивленіемъ смотрятъ самые «передовые» народы, неужели этотъ самый русскій народъ не въ состояніи былъ постичь мудрость земледѣльческихъ системъ, доступную древнимъ Германцамъ, Ацтекамъ и Кафрамъ? Надо поставить этотъ вопросъ, чтобы увидѣть всю глубину непониманія русской общественностью и русскаго народа и русской культуры. Не малыя причины — Освободительная реформа, сокращеніе надѣловъ, помѣщичье землевладѣніе — опредѣлили великую тягу русскаго народа къ землѣ, его неутолимую земельную жажду. И не «первобытныя» формы русской культуры опредѣлили системы русскаго земледѣльческаго хозяйства. Для грандіознаго яв-

*) Dopsch. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. 1918
Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. 1920.

**) Lasch. Die Landwirtschaft der Naturvölker. Z. f. Socialwissenschaft. 1904. Heft I—IV.

Beuchat. Manuel d'Archéologie américaine. 1912.
Capitau et Lorin. Le travail en Amérique. 1914.

ленія русскаго земельного движенія надо искать болѣе глубокихъ основаній. Они лежатъ въ исторіи и культурѣ русскаго народа. Вѣками русскій народъ мѣрилъ необъятныя пространства своей родины, вѣками двигался впередъ вслѣдъ за уходящими границами своего государства, вѣками подымалъ новины и дѣлилъ порожнюю землю. Всю свою волю, весь свой душевный пагось вложилъ въ колонизацію Великаго Континента, въ распространеніе земледѣльческой культуры по Великой равнинѣ. Полюбилъ просторъ тайги и степей, на земельномъ просторѣ привыкъ строить свое земледѣльческое хозяйство, въ землѣ искалъ выхода изъ всякой хозяйственной нужды. Какъ драму переживалъ всякое земельное утѣсненіе. Создался хозяйственный навѣкъ, культурная традиція, выработался законченный культурно-историческій типъ. У каждаго народа своя судьба. Народы Западно-Европейскаго полуострова — дѣти городской, торговою и промышленною культуры. И на новыхъ мѣстахъ — въ Америкѣ, Австраліи, Африкѣ — они продолжали свою хозяйственную традицію, скучившись въ города и, при первой возможности, возвращались къ торговою и промышленною дѣятельности *). Индусы и китайцы — дѣти осѣдлой интенсивной земледѣльческой культуры. Съ трудомъ и неохотою переходятъ они къ городской жизни, торговою и промышленною дѣятельности. Съ трудомъ и съ неохотою идутъ на переселеніе. И индусы, и китайцы — плохіе колонизаторы. Индусы не вышли изъ предѣловъ своего полуострова и не распространились по континенту. Китайцы колонизовали свои окраинныя провинціи, но удивительно медленно и слабо. И китайцы, и индусы живутъ скученно и предпочитаютъ, когда наступаетъ нужда, еще глубже замкнуться въ своемъ участкѣ, еще больше труда и заботы вложить въ свое поле, чѣмъ подняться съ мѣста и уйти на чужія земли. Когда китайцы вынуждены переселяться въ чужіе края, они оставляютъ семьи на родинѣ, упорно работаютъ на чужбинѣ и живыми или мертвыми возвращаются домой. (Китайцевъ, умершихъ на чужбинѣ, везутъ хоронить на родину**). Русскій народъ — дитя экстенсивной земледѣльческой культуры. Народъ — колонизаторъ и странникъ. Воспитанный на землѣ и влюбленный въ пространство. Такова его историческая судьба. Худо это или хорошо, но съ этимъ надо считаться, изъ этого надо исходить. Хозяйственная судьба народа можетъ измѣниться. Рождаются новыя формы хозяйства; старыя формы отмираютъ. Но и въ хозяйственной жизни, прошлое тяготѣетъ надъ настоящимъ. И долгое время можетъ тяготѣть надъ буду-

*) См. Пути Россіи. Кн. VII.

**) Brunhes et Vallaux. La géographie de l'histoire. 1921.

щимъ. И еще долгое время «земля» и «тяга въ пространство» будутъ опредѣлять судьбы русскаго народа.

Революціи ничего не творятъ. Онѣ только разрушаютъ старое. За то въ революціяхъ съ неудержимой силою вырывается наружу то, что копилось въ душѣ народа въ теченіе вѣковъ. Русскій народъ вѣками жилъ землей. Русская исторія построена на «землѣ». Поэтому и русская революція оказалась, прежде всего, революціей земельной. Пройдутъ годы. Чадъ революци разсѣется. Въ рукахъ народа останется то, къ чему вели вѣка его исторіи — земля.

И. Бунаковъ.